

Итак, *поступки индивидуальности суть цель в себе самой; именно применение сил, игра их внешних проявлений* сообщает им жизнь, иначе они были бы мертвым “в-себе”; в-себе[-бытие] не есть неосуществленное, лишенное существование и абстрактное всеобщее, наоборот, оно само есть непосредственно наличность и действительность процесса индивидуальности.

С. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, КОТОРАЯ ВИДИТ СЕБЯ РЕАЛЬНОЙ В СЕБЕ САМОЙ И ДЛЯ СЕБЯ САМОЙ

Самосознание овладело теперь понятием о себе, которое до сих пор было лишь нашим понятием о нем, а именно в достоверности того, что оно само есть вся реальность; цель же и сущность для него отныне есть движущееся взаимопроникновение всеобщего – дарований и способностей – и индивидуальности. – Отдельные моменты этого наполнения и взаимопроникновения *до достижения единства*, в которое они слились, суть рассматривавшиеся до сих пор цели. Они исчезли как абстракции и химеры, принадлежащие указанным первым поверхностным формам духовного самосознания и имеющие свою истину лишь в мнимом бытии сердца, воображения и пустых слов, а не в разуме, который теперь убедился в своей реальности в себе и для себя и уже не стремится больше выдвинуть себя как *цель в противоположность* непосредственно сущей действительности, а имеет предметом своего сознания категорию как таковую. – Именно определение *для себя сущего* или *негативного* самосознания, в котором выступал разум, снято; это *самосознание заставляло действительность*, которая была бы негативностью его и лишь путем снятия которой оно осуществляло бы для себя свою *цель*. Но так как *цель и в-себе-бытие* оказались тем же, что *бытие* для “иного” и *найденная готовой действительность*, то истина более не отделяется от достоверности, будет ли теперь выставленная цель приниматься за достоверность ее самой, а осуществление ее – за истину, или же цель – за истину, а действительность – за достоверность; наоборот, сущность и цель в себе и для себя самой есть достоверность самой непосредственной реальности, взаимопроникновение *в-себе-бытия* и *для-себя-бытия*, всеобщего и индивидуальности; действие само по себе есть своя истина и действительность, а *проявление* или *выражение индивидуальности* есть для него цель в себе и для себя самой.

Таким образом, с этим понятием самосознание вернулось в себя из тех противоположных определений, которые категория имела для него и для его отношения к ней как самосознания наблюдающего и затем деятельного. Оно имеет своим предметом самое чистую категорию, или: оно есть категория, которая дошла до сознания себя самой. Этим закончены счеты с его прежними формами; они позади него в забвении, не противостоят как его найденный готовый мир, а развиваются только внутри его самого как прозрачные моменты. Тем не менее они еще рас-

ходятся в его сознании как *движение* различных моментов, еще не слившихся в свое субстанциальное единство. Но во *всех* [этих моментах] самосознание удерживает простое единство бытия и самости, которое есть их *род*.

Сознание, таким образом, отвергло всякую противоположность и всякую обусловленность своего действия; оно со свежими силами исходит из себя и направляется не на *“иное”* а на *себя само*. Так как индивидуальность в самом себе есть действительность, то *материал* воздействия и *цель* действия заключаются в самом действии. Поэтому действие походит на движение круга, который свободно движется внутри себя самого в пустоте, беспрепятственно то расширяется, то суживается и с полным удовлетворением играет только внутри себя самого и с самим собой. Стихия, в которой индивидуальность проявляет свою форму, имеет значение чистого воспринимания этой формы; она – дневной свет вообще, перед которым хочет показаться сознание. Действие ничего не изменяет и ни против чего не направлено; оно – чистая форма процесса перевода из состояния *невидимости* в *состояние видимости*, и то содержание, которое выносится на дневной свет и проявляется, есть только то, что есть это действие уже в себе. Оно *есть в себе* – это его форма в качестве *мысленного* единства; и оно *существует действительно* – это его форма как *сущего* единства; оно само есть *содержание* лишь в этом определении простоты в противоположность определению процесса его перехода и его движения.

а. Духовное животное царство и обман или сама суть дела

Эта в себе реальная индивидуальность опять-таки есть сначала индивидуальность *единичная* и *определенная*; абсолютная реальность, какую знает себя индивидуальность, поскольку она доходит до сознания ее, есть поэтому *абстрактная всеобщая* реальность, которая, будучи лишена наполнения и содержания, есть лишь пустая мысль об этой категории. – Посмотрим, как это понятие реальной в себе самой индивидуальности определяется в своих моментах и как для нее ее понятие о себе самой вступает в сознание.

[1. Понятие индивидуальности как реальной индивидуальности.] – Понятие этой индивидуальности, поскольку она как таковая для себя самой есть вся реальность, есть прежде всего *результат*; она еще не проявила своего движения и реальности и выявлена здесь *непосредственно* как *простое в-себе-бытие*. Но негативность, которая есть то же, что выступает как движение, присуща *простому “в себе”* как *определенность*; и бытие или простое “в себе” становится определенным объемом. Индивидуальность выступает поэтому как первоначальная, определенная натура: как *первоначальная* натура, ибо она *есть в себе*, и как первоначально *определенная*,

ибо негативному присуще *в-себе*[-бытие], и это “в себе” есть благодаря этому некоторое качество. Это ограничение бытия *не* может, однако, *ограничить действия* сознания, ибо последнее есть здесь некоторое завершенное соотнесение *себя с самим собою*; соотношение с “иным” снято, а это соотношение было бы его ограничением. Первоначальная определенность природы есть поэтому только простой принцип, – прозрачная всеобщая стихия, в которой индивидуальность остается столь же свободной и себе самой равной, сколь беспрепятственно она в ней раскрывает свои различия, и составляет в своем претворении в действительность чистое взаимодействие с собою. Так неопределенная животная жизнь вдувает свое дыхание, например, в стихию воды, воздуха или земли, а внутри их в свою очередь – более определенным началам, погружает в них все свои моменты, но, несмотря на указанное ограничение стихии, удерживает эти моменты в своей власти, а себя сохраняет в своем “одном” и в качестве “этой” особенной организации остается одной и той же всеобщей животной жизнью.

Эта определенная первоначальная натура свободно и целиком остающегося в ней сознания выступает как непосредственное и единственное настоящее *содержание* того, что составляет цель для индивида; хотя оно есть *определенное* содержание, но оно есть вообще *содержание* лишь постольку, поскольку мы рассматриваем *в-себе-бытие* изолированно; на самом же деле оно есть проникнутая индивидуальностью реальность – действительность в том виде, в каком она содержится в самом сознании как единичном сознании и как она выявлена прежде всего в *качестве сущей*, еще не в качестве действующей. Но для действия названная определенность, с одной стороны, потому не есть ограничение, за пределы которого оно хотело бы выйти, что, будучи рассматриваемая как сущее качество, она есть простая окраска стихии, в которой оно движется; а с другой стороны, негативность есть *определенность*, присущая только бытию; *действие* же само есть не что иное, как негативность; в действующей индивидуальности, следовательно, определенность растворяется в негативность вообще или в совокупность всей определенности.

Простая первоначальная натура в *действовании* и в сознании действующего вступает теперь в то различие, которое свойственно последнему. *Сначала* действие имеется налицо в качестве предмета, и притом *предмета* в том виде, как он принадлежит еще *сознанию*, [т. е.] в качестве цели, и этим оно противоположно имеющейся налицо действительности. *Другой* момент есть *движение* цели, которая представлялась покоящейся, претворение в действительность как соотношение цели с чисто формальной действительностью, следовательно, представление самого *перехода* или [второй момент, как] *средство*. Наконец, *третий* момент – это предмет, поскольку он уже не цель, которую то, что действует, непосредственно сознает как *свою* цель, а поскольку он вне действующего, и существует для последнего как “иное”. – Но этих различных сторон надо придерживаться, согласно понятию этой сферы, так, чтобы содержание

в них оставалось тем же и чтобы не приходило никакого различия: ни различия индивидуальности и бытия вообще, ни различия между *целью* и *индивидуальностью* как *первоначальной натурой*, между целью и имеющейся налицо действительностью, ни, равным образом, различия между *средством* и действительностью как абсолютной *целью*, ни различия между *действительностью*, *подвергшейся воздействию*, и целью или первоначальной натурой или средством.

Таким образом, прежде всего первоначально определенная натура индивидуальности, ее непосредственная сущность еще не установлена действующей и в таком состоянии называется *особой* способностью, талантом, характером и т.д. Эту специфическую окраску духа следует рассматривать как единственное содержание самой цели и как единственную реальность. Если бы сознание представляли себе выходящим за эти пределы и желающим претворить в действительность какое-то другое содержание, то его представляли бы себя как *ничто*, устремляющееся в *ничто*. – Эта первоначальная сущность, далее, есть не только содержание цели, но в себе – также и *действительность*, которая иначе выступает как *данный* материал действия, действительность, которую уже *застали* и которая подлежит в действовании формированию. Действование есть именно только чистый процесс перевода из формы еще не проявившегося в форму проявившегося бытия; в-себе-бытие указанной действительности, противоположной сознанию, низведено до простой пустой видимости. Это сознание, определяя себя к деятельности, не дает следовательно, ввести себя в заблуждение видимостью имеющейся налицо действительности и равным образом должно отказаться от блуждания в пустых мыслях и целях и сосредоточиться на первоначальном содержании своей сущности. – Хотя это первоначальное содержание есть лишь для сознания, *поскольку сознание претворило его в действительность*, тем не менее отпало различие между таким содержанием, *которое для* сознания есть только *внутри его*, и сущей в себе действительностью вне его. – Сознание должно проявлять деятельность только для того, чтобы то, что есть *оно в себе*, было *для него*, или: деятельность и есть становление духа как сознания. Что есть оно *в себе*, оно знает, стало быть, из своей действительности. Индивид поэтому не может знать, что *есть он*, пока он действованием не претворил себя в действительность. – Но тем самым он, по-видимому, не может определить *цель* своего действия, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперед иметь перед собою поступок как *целиком свой* поступок, т.е. как *цель*. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает *лишь из действия*, а чтобы действовать, у него *наперед* должна быть цель. Но именно поэтому он дол-

жен сразу начинать и при любых обстоятельствах должен приступать к деятельности, без всякого размышления о *начале, средствах и конце*; ибо его сущность и *в-себе-сущая* натура есть все в одном: начало, средство и конец. Как *начало* она имеется налицо при *обстоятельствах*, когда совершаются поступки; и *интерес*, который индивид находит в чем-нибудь, есть уже данный ответ на вопрос: следует ли здесь действовать и как именно. Ибо то, что кажется уже существующей действительностью, в себе есть его первоначальная натура, имеющая лишь видимость некоторого *бытия*, – видимость, которая заложена в понятии раздваивающегося действия, но которая как *его* первоначальная натура сказывается в *интересе*, который индивид находит в ней. – Подобным же образом и “*как*”, т.е. *средства*, определено в себе и для себя. Равным образом и талант есть не что иное, как определенная первоначальная индивидуальность, рассматриваемая как *внутреннее средство* или *переход* цели в действительность. Но *действительное* средство и реальный переход есть единство таланта и природы дела (*Sache*), наличествующей в интересе; талант представляет в средстве сторону действия, интерес – сторону содержания, оба суть сама индивидуальность как взаимопроникновение бытия и действия. Следовательно, то, что имеется налицо, это – уже существующие *обстоятельства*, которые *в себе* составляют первоначальную природу индивида; затем интерес, который она устанавливает именно как *его* интерес или как *цель*; наконец, связь и снятие этой противоположности в *средстве*. Эта связь сама оказывается еще внутри сознания, и только что рассмотренное целое есть одна сторона некоторой противоположности. Эта еще остающаяся видимость противоположения снимается самим *переходом* или *средством*; ибо средство есть *единство* внешнего и внутреннего, противоположность определенности, которой оно обладает в качестве *внутреннего* средства; оно, следовательно, снимает эту определенность и выявляет себя, [т. е.] это единство действия и бытия, в такой же мере как “*внешнее*”, как самое действительно возникшую индивидуальность, т.е. индивидуальность, которая *для себя самой* выявлена как *то, что есть*. Все совершенные поступки, таким образом, не выходят за свои пределы ни в качестве *обстоятельств*, ни в качестве *цели*, ни в качестве *средства*, ни в качестве *произведения*.

Но вместе с произведением, по-видимому, выступает различие первоначальных натур; произведение, подобно первоначальной природе, которую оно выражает, есть нечто *определенное*; ибо освобожденная деятельностью как *сущая действительность* негативность ему *присуща* как качество. Сознание же определяет себя в противоположность произведению как то сознание, которому присуща определенность как негативность *вообще*, как действие; оно, следовательно, есть всеобщее по отношению к указанной определенности произведения, может, следовательно, сравнивать его с другими произведениями и, исходя из этого, понимать сами индивидуальности как *различные*; индивид, идущий

щий дальше в своем произведении, понимается как более сильная энергия воли или как более богатая натура, т.е. такая, первоначальная определенность которой менее ограничена, а другая, напротив того, – как натура более слабая и более скудная.

По сравнению с этим несущественным *количественным* различием *хорошее* и *плохое* выражало бы абсолютное различие; но здесь оно не имеет места. То, что считалось бы тем или иным, одинаково есть действие, самопроявление и выражение индивидуальности, а потому – все хорошо, и, собственно, нельзя было бы сказать, что следовало бы признать дурным. То, что было бы названо плохим произведением, есть индивидуальная жизнь определенной природы, которая в нем осуществляет себя; оно было бы осуждено как плохое произведение только сравнивающей мыслью, но эта мысль есть нечто пустое, так как она выходит за пределы сущности произведения, состоящей в том, что оно есть выражение индивидуальности, и, кроме того, требует от него и ищет в нем неизвестно чего. Такая мысль могла бы относиться только к приведенному выше различию; но в себе это различие как количественное различие несущественно; а здесь оно определено [несущественно] потому, что сравнивались бы различные произведения или индивидуальности; но они друг друга нисколько не касаются; каждое произведение, как и каждая индивидуальность, соотносится только с самим собою.

Одна лишь первоначальная натура есть *в-себе*[-бытие] или то, что могло бы быть положено в основу как критерий оценки произведения, и обратно; но одно соответствует другому; для индивидуальности нет ничего, что шло бы не *через* нее, или: не бывает *действительности*, которая не была бы натурой индивидуальности и ее действованием, и не бывает ни действия, ни *в-себе*[-бытия] индивидуальности, которые не были бы действительны, а только эти моменты и подлежат сравнению.

Поэтому вообще нет места ни для *возвеличения*, ни для жалобы, ни для раскаяния; ибо все это происходит из мысли, которая воображает себе некоторое иное *содержание* и некоторое иное “*в себе*”, нежели первоначальная натура индивида и имеющееся в действительности осуществление ее. Что бы ни сделал индивид и что бы с ним не случилось, – это его действие и это он сам; у него может быть только сознание чистого перевода *себя самого* из мрака возможности на дневной свет настоящего, перехода из *абстрактного “в себе”* – в значение *действительного бытия*, и он может обладать достоверностью того, что то, что с ним случается в этом действительном бытии, есть не что иное, как то, что дремало в возможности. Хотя сознание этого единства есть также сравнение, но то, что сравнивается, имеет только *видимость* противоположности: видимость формы, представляющая собой одну лишь видимость для самосознания разума относительно того, что индивидуальность в самой себе есть действительность. Индивид, следовательно, может *радоваться только по поводу себя*, раз он знает, что в своей действительности он не может найти ничего иного, кроме ее единства с

ним, или только достоверность себя самого в ее истине, и что он, стало быть, всегда достигает своей цели.

[2. Сама суть дела и индивидуальность.] – Таково понятие, которое составляет о себе сознание, обладающее достоверностью самого себя как абсолютного взаимопроникновения индивидуальности и бытия; посмотрим, подтверждается ли для сознания это понятие опытом и согласуется ли с ним его реальность. Произведение есть реальность, которую сознание сообщает себе; оно есть то, в чем индивид оказывается для сознания тем, что он есть *в себе* и [при том] так, что сознание, *для которого* индивид открывается в произведении, есть не особенное, а *всеобщее* сознание; в произведении вообще индивид вынес себя в стихию всеобщности, в лишенное определенности пространство бытия. Отошедшее от своего произведения сознание, – так как в этой противоположности оно становится *абсолютной негативностью* или действием, – есть на деле всеобщее сознание по сравнению со своим произведением, которое есть сознание *определенное*; оно, следовательно, выходит за пределы себя как произведения и само есть лишенное определенности пространство, которое находит себя не наполненным своим произведением. Если прежде в понятии все же сохранялось их единство, то происходило это именно благодаря тому, что произведение снималось как *сущее* произведение. Но оно должно *быть*, и следует посмотреть, как в его *бытии* индивидуальность сумеет сохранить его всеобщность и удовлетворить себя. – Сначала рассмотрим возникшее произведение само по себе. Оно восприняло в себя всю натуру индивидуальности; его *бытие* поэтому само есть некоторое действие, в котором все различия проникают друг в друга и растворяются; произведение, следовательно, вытолкнуто в некоторое существование, в котором *определенность* первоначальной природы на деле обращается против других определенных натур, посягает на них, как и эти другие посягают на нее, и теряется как исчезающий момент в этом всеобщем движении. Если *внутри понятия* реальной в себе и для себя самой индивидуальности все моменты – обстоятельства, цель, средства и претворение в действительность – друг другу равны, а первоначальная определенная натура имеет значение только всеобщей стихии, то, напротив того, когда эта стихия становится предметным бытием, его *определенность* как таковая выявляется в произведении и сохраняет свою истину в своем растворении. При ближайшем рассмотрении это растворение таково, что в этой определенности индивид действительно открылся себе как “*этом*” индивид; но эта определенность есть не только содержание действительности, но точно так же и форма ее, или: действительность как таковая вообще есть именно та определенность, которая состоит в том, чтобы противопоставляться самосознанию. Если рассмотреть ее с этой стороны, то оказывается, что она из понятия исчезла и есть лишь *чуждая* действительность, которую *уже застали*. Произведение *есть*, это значит, оно есть для других индивидуальностей, и для них оно есть чуждая действительность, вместо которой *они* должны вы-

явить свою действительность, чтобы *своим* действием сообщить себе сознание *своего* единства с действительностью; или: *их* интерес к названному произведению, выявленный *их* первоначальной натурой, иной, нежели *специфический* интерес этого произведения, которое таким образом сделалось чем-то другим. Произведение, следовательно, вообще есть нечто преходящее, что угасает благодаря противодействию других сил и интересов и воспроизводит реальность индивидуальности скорее исчезающей, чем завершенной.

Таким образом, для сознания в его произведении возникает противоположность действия и бытия, которая в прежних формообразованиях сознания была вместе с тем *началом* действия, тогда как здесь она – только *результат*. Но на деле эта противоположность была точно так же заложена в основу, когда сознание как *в себе* реальная индивидуальность приступало к деятельности; ибо деятельность предполагала *определенную первоначальную натуру* в качестве *в-себе*[-бытия], *содержанием* которой было чистое осуществление ради осуществления. Но чистое действие есть *себе самой равная* форма, которой тем самым *определенность* первоначальной природы не равна. Здесь, как и в других случаях, безразлично, что из двух назвать *понятием* и что *реальностью*; первоначальная натура есть *мысленное* или *в-себе*[-бытие] в противоположность действованию, в котором она только и имеет свою реальность; или же первоначальная натура есть *бытие* столько же индивидуальности как таковой, сколько и индивидуальности как произведения, а действие есть первоначальное *понятие* как абсолютный переход или как *становление*. Эту *несоизмеримость* понятия и реальности, заложенную в его сущности, сознание в своем произведении узнает на опыте; следовательно, в произведении сознание открывается себе так, как оно поистине есть, и его пустое понятие о себе самом исчезает.

В этом основном противоречии произведения, составляющего истину этой индивидуальности, которая видит себя в себе реальной, вновь выступают, таким образом, все стороны индивидуальности в их взаимном противоречии; или: произведение как содержание индивидуальности в целом, будучи выставлено из действия, которое есть негативное единство и держит в плену все моменты, вынесено в *бытие*, предоставляет им теперь свободу; и в стихии устойчивого существования они становятся равнодушными друг к другу. Понятие и реальность, следовательно, разделяются как цель и как то, что составляет *первоначальную сущность*. Дело случая, обладает ли цель подлинной сущностью или в цель возводится *в-себе*[-бытие]. Точно так же расходятся в свою очередь понятие и реальность как *переход* в действительность и как *цель*; или же, дело случая, что выбирается то *средство*, которое выражает цель. И наконец, если взять эти внутренние моменты в совокупности, то – обладают ли они внутри себя единством или нет, – *действование* индивида опять-таки случайно по отношению к *действительности* вообще; *счастье* решает столь же в пользу плохо определенной цели и плохо избранного средства, как и против.

Если, следовательно, теперь *противоположность* хотения и осуществления, цели и средств и в свою очередь этого “внутреннего”, взятого в совокупности, и самой действительности становится для сознания в его произведении тем, что вообще включает в себя *случайность его действия*, то с другой стороны, точно так же налицо *единство* и *необходимость* этого действия; эта последняя сторона берет верх над первой, и *опыт случайности действия* сам есть только *случайный опыт*. *Необходимость* действия состоит в простом соотношении цели и *действительности*, и это единство есть понятие действия; поступки совершаются, потому что действие в себе самом и для себя самого есть сущность действительности. В произведении обнаруживается, правда, случайность, которая имеется в *осуществленности* помимо хотения и осуществления; и этот опыт, который как будто должен иметь значение истины, противоречит указанному понятию деятельности. Если, однако, мы рассмотрим содержание этого опыта в его полноте, то оно окажется *исчезающим производением*; *сохраняется* не *исчезновение*, а само исчезновение действительно и связано с производением и само исчезает вместе с ним; *негативное само гибнет* вместе с *положительным*, *негацию* которого оно составляет.

Это исчезновение исчезновения содержится в самом понятии в себе реальной индивидуальности; ибо то, в чем произведение, или то, что в нем исчезает и что должно было дать тому, что называлось опытом, его перевес над понятием, которое индивидуальность имеет о самой себе, есть *предметная действительность*; но она есть момент, который и в самом этом сознании более не имеет истины для себя: эта истина состоит лишь в единстве его с действием, и *истинное произведение* есть лишь указанное выше единство *действия* и *бытия*, *хотения* и *осуществления*. Таким образом, для сознания – в силу достоверности, лежащей в основе его деятельности, – сама *противоположная* этой достоверности действительность есть нечто такое, что есть только *для сознания*; для него как для возвратившегося в себя самосознания, для которого исчезла всякая противоположность, последняя уже не может возникнуть в этой форме его *для-себя-бытия* в противоположность *действительности*; противоположность и негативность, которая обнаруживается в произведении, касается, следовательно, не только содержания произведения или также содержания сознания, но и действительности как таковой, а тем самым и противоположности, имеющейся налицо только благодаря ей и в ней, и исчезновения произведения. Таким способом, стало быть, сознание рефлектируется в себя из своего переходящего произведения и утверждает свое понятие и достоверность как *сущее* и *постоянное* в противоположность опыту *случайности* действия; фактически оно узнает на опыте свое понятие, в котором действительность есть лишь момент, нечто *для сознания*, а не то, что есть в себе и для себя; оно на опыте узнает ее как исчезающий момент, и она имеет для него поэтому значение лишь *бытия* вообще, всеобщность которого тождественна действию. Это единство есть истинное про-

изведение; оно есть сама *суть дела*, которая просто утверждает себя и узнается на опыте как “постоянное”, независимо от того дела (Sache), которое есть *случайность* индивидуального действия как такового, обстоятельств, средств и действительности.

Сама суть дела лишь постольку противоположна этим моментам, поскольку они должны иметь значение как изолированные, но как взаимодействие действительности и индивидуальности она по существу есть единство этих моментов; равным образом она есть некоторое действие и как действие – *чистое действие* вообще, а *следовательно, в такой же мере и действие “этого” индивида*, и это действие – как ему еще принадлежащее в противоположность действительности, [т. е.] как *цель*. Точно так же она есть *переход* из этой определенности в противоположную, и, наконец, она есть *действительность*, которая имеется налицо *для сознания*. *Сама суть дела*, следовательно, выражает *духовную* сущность, в которой все эти моменты сняты как имеющие значение для себя и, следовательно, имеют значение только как всеобщие, и в которой для сознания его достоверность себя самого есть предметная сущность, *суть дела*: предмет, рожденный из самосознания как *его* предмет, не переставая быть свободным предметом в собственном смысле. – *Вещь* же чувственной достоверности и воспринимания имеет теперь свое значение для самосознания только через него; на этом покоится различие вещи и сути дела. – При этом будет совершено движение, соответствующее чувственной достоверности и восприятию.

Таким образом, в *самой сути дела* как в ставшем предметным взаимодействии индивидуальности и самой предметности самосознанию открылось его истинное понятие о себе, или: оно пришло к осознанию своей субстанции. В том виде, в каком оно здесь имеется, оно в то же время есть только что возникшее и потому *непосредственное* сознание этой субстанции, а это и есть тот определенный модус, в котором духовная сущность имеется здесь налицо и в котором она еще не созрела до подлинно реальной субстанции. *Сама суть дела* имеет в этом ее непосредственном сознании форму *простой сущности*, которая, будучи всеобщим содержит в себе все свои различные моменты и свойственна им, но опять-таки она и равнодушна к ним как определенным моментам и свободна для себя и в качестве самой этой свободной *простой абстрактной* сути дела *имеет значение сущности*. Разные моменты первоначальной определенности или *суть дела “этого” индивида* – его цели, средств, самого действия и действительности – суть для этого сознания, с одной стороны, отдельные моменты, которые оно в противоположность *самой сути дела* может покинуть и от которых оно может отказаться, а с другой стороны, все они имеют [своей] сущностью самое *суть дела* лишь в том смысле, что она как их *абстрактное* всеобщее находится в каждом из этих различных моментов и может быть их *предикатом*. Сама она еще не есть субъект; таковым считаются названные моменты, потому что они приходятся на сторону *единичности*

вообще, а сама суть дела есть пока лишь просто всеобщее. Она есть *род*, который находится во всех этих моментах как в своих видах и столь же свободен от них.

[3. *Обоюдный обман и духовная субстанция*.] – То сознание называется *честным*, которое, с одной стороны, пришло к выражаемому *самой сутью дела* идеализму, а с другой – обладает тем, что истинно в этой сути как в данной формальной всеобщности; главное для него всегда только в ней, оно поэтому блуждает в ее различных моментах или видах и, не достигая ее в одном из них или в каком-нибудь одном значении, именно в силу этого овладевает ею в каком-нибудь другом моменте и тем самым фактически всегда получает то удовлетворение, которое должно было выпасть на долю этого сознания, согласно его понятию. Как бы то ни было, оно достигло *самой сути дела* и осуществило ее, ибо в качестве этого *общего* рода названных моментов она – предикат [их] всех.

Если такое сознание и не претворяет *цели в действительность*, то оно все же *хотело* ее – это значит, что оно *цель* как цель, *чистое действие*, которое ничего не делает, превращает в *самое суть дела*; и потому оно может высказываться в том смысле и утешаться тем, что все же всегда что-то *делалось* и *приводилось в действие*. Так как всеобщее само включает негативное или исчезновение, то и самый факт, что произведение уничтожается, есть *его* действие; оно побудило к этому других и еще находит в *исчезновении* своей действительности удовлетворение, подобно тому как озорники, получая оплеуху, наслаждаются *самими собой* как причиной, вызвавшей ее. Или пусть оно даже и *не пыталось* осуществить самое суть дела и *ровно ничего не сделало*, значит, оно было *не в силах*; *сама суть дела* для него есть *единство его решения* и *реальности*. Действительностью, утверждает оно, может быть только то, что в его *силах*. – Наконец, пусть нечто для него интересное вообще совершилось без его содействия – для него эта *действительность есть* сама суть дела именно в том интересе, который оно в ней находит, хотя она и не была создана им; пусть это – счастье, которое досталось ему лично, оно расценивает его как свое *деяние* и *заслугу*; пусть это, кроме того, мировое событие, которое его больше не касается, – оно точно так же выдает его за свое, и *бездеятельный интерес* приобретает для него значение *партии*, за или против которой оно было, с которой *боролось* или которую *поддерживало*.

Честность этого сознания, равно как и удовлетворение, которое им всюду испытывается, фактически состоит, как явствует, в том, что оно *не согласует* своих *мыслей* о самой сути дела. Для него *последняя* в такой же мере *его* дело, в какой оно *вовсе не есть произведение*, или есть *чистое действие* и *пустая цель*, или также *бездеятельная действительность*; одно значение за другим оно делает субъектом этого предиката и забывает их одно за другим. Теперь в голом “*хотел*” или же “*был не в силах*” сама суть дела имеет значение *пустой цели* и *мысленного единства хотения* и осуществления. Утешение по поводу того,

что уничтожена цель, которая все же была предметом *хотения* и *чистого действовани*я, равно как и удовлетворение от того, что нечто было предоставлено другим для действования, выдает за сущность *чистое действовани*е или всецело плохое произведение; ибо плохим следует называть то произведение, которое вовсе не есть произведение. Наконец, при удаче, когда действительность оказывается уже *налицо*, это бытие и без какого-либо действия становится самой сутью дела.

Но истина этой честности в том, что последняя не так честна, как она выглядит. Ибо она не может быть до такой степени лишена мысли, чтобы этим различным моментам в самом деле дать так распасться, но у нее должно быть непосредственное сознание их противоположности, потому что они просто соотносятся друг с другом. *Чистое* действование есть по существу действование “этого” индивида, и “это” действование точно так же есть по существу некоторая *действительность* или суть дела. Наоборот, *действительность* есть по существу лишь в качестве *его* действования, как и *действовани*я *вообще*; и *его* действование в то же время есть и действование *вообще*, и *действительность*. В то время, следовательно, как индивиду кажется, будто главное для него в самой сути дела как *абстрактной действительности*, имеет место и то, что для него главное в ней как в *его* действовании (es ihm um sie als sein Tun zu tun ist).

Но равным образом, так как для него главное только в *поступках*, для него это не имеет серьезного значения, а главное для него – в *некотором деле*, и в деле как *его* деле. Так как, наконец, он, по-видимому, хочет только *своего* дела и *своего* действования, то опять-таки главное в *суть дела вообще* или в действительности, остающейся в себе и для себя.

Подобно тому как сама суть дела и ее моменты здесь являются *содержанием*, они столь же необходимо существуют и как формы в сознании. Они выступают как содержание только затем, чтобы исчезнуть, и каждый из них уступает место другому. Поэтому в определенности они должны быть *налицо как снятые*; но в таком виде они суть стороны самого сознания. *Сама суть дела* имеется *налицо как в-себе*[-бытие] или как *его рефлексия в себя*; но взаимное *вытеснение* моментов выражается в сознании так, что они выявлены не в себе, а только в нем для *некоторого “иного”*. Один из моментов содержания выставляется им на свет и представляется *для других*; но в то же время сознание рефлексировано из него в себя и противоположное точно так же имеется в нем *налицо*; сознание хранит его для себя как свое. При этом не бывает также, чтобы один какой-нибудь момент был *только* вынесен наружу, а другой лишь сохранен внутри, – нет, сознание чередует их, ибо оно должно и тот и другой сделать существенными для себя и для других. *Целое* есть движущееся взаимопроникновение индивидуальности и всеобщего; но так как это целое имеется *налицо для этого сознания* лишь в качестве *простой* сущности и, следовательно, в качестве абстракции *самой сути дела*, то моменты этого целого распадаются как разъединенные вне ее и внеположные; и как *целое* оно исчерпывается и проявляется лишь *раздельным чередованием* вынесения наружу и для-себя-

сохранения. Так как в этом чередовании сознание имеет один момент для себя и имеет его как существенный момент в своей рефлексии, а другой момент – лишь как внешний у себя или для других, то тем самым происходит игра индивидуальностей друг с другом, в которой они и себя самих и друг друга обманывают и точно так же признают себя обманутыми.

Итак, какая-нибудь индивидуальность собирается нечто осуществить; кажется, будто она этим возвела нечто в суть дела; она совершает поступки, открывается в этом для других и ей кажется, что главное для нее в действительности. Другие, следовательно, принимают действие индивидуальности за интерес к сути дела как таковой и за цель, состоящую в том, чтобы дело в себе было осуществлено, – безразлично, первой индивидуальностью или ими. Когда поэтому они указывают на то, что “это” дело уже осуществлено ими, или, если не осуществлено, предлагают свою помощь и оказывают ее, то описанного выше сознания, напротив, уже нет там, где, по их мнению, оно находится; то, что его интересует в деле, – это его поступки, и когда они убеждаются, что это и было само дело, они, стало быть, считают себя обманутыми. – Но фактически поспешность, с которой они шли на помощь, сама была не чем иным, как желанием видеть и показать свое действие, а не самое суть дела; т. е. они хотели обмануть других тем же способом, каким и сами, как они жалуются, были введены в обман. – Так как теперь обнаружилось, что самой сутью дела считаются собственные поступки, игра своих сил, то кажется, будто сознание занято своей сущностью для себя, а не для других, и заботится о действии лишь как своим действием, а не как действии других, предоставляя, стало быть, то же самое другим в их деле.

Однако они вновь заблуждаются; сознание уже ушло оттуда, где оно, по их мнению, находится. Для него важно не дело как “это” его единичное дело, а оно как дело, как всеобщее, которое есть для всех. Оно, стало быть, вмешивается в их действия и произведение, и если оно не может уже отобрать их у них, оно обнаруживает при этом свой интерес по крайней мере тем, что занимается высказыванием суждений; если оно накладывает на произведение печать своего одобрения и своей похвалы, то под этим подразумевается, что оно хвалит в произведении не только само произведение, но в то же время и свое собственное великодушие и умеренность, выражающиеся в том, что оно не погубило произведение как произведение и не нанесло ему ущерба своим неодобрением. Выказывая интерес к произведению, оно наслаждается в нем самим собой; точно так же произведение, которое оно порицает, желанно для него именно за то наслаждение своим собственным действием, которое оно благодаря этому испытывает. А те, кто этим вмешательством считают себя обманутыми или выдают себя за таковых, скорее сами хотели обмануть таким же образом. Они выдают свои дела и поступки за нечто такое, что есть лишь для них самих и в чем они имеют в виду только себя и свою собственную сущность. Однако, делая

что-то и тем показывая и выставляя себя публично, они своим действием прямо противоречат своему утверждению, будто хотят исключить самую публичность, всеобщее сознание и участие всех; претворение же в действительность, напротив, есть вынесение “своего” во всеобщую стихию, благодаря чему оно становится и должно стать *делом* всех.

Таким образом, если главное должно быть только в *чистой сути дела*, то это точно так же обман себя самого и других; сознание, которое открывает какое-нибудь дело, напротив, на опыте узнает, что другие поспешно слетаются, как мухи на только что выставленное молоко, и хотят извлечь здесь выгоду, – и они, в свою очередь, узнают на опыте относительно сознания, что для него точно так же главное – не дело как предмет, а то, что это *его* дело. Напротив того, если считать существенным лишь *само действие*, применение сил и способностей или выявление “этой” индивидуальности, то опыт точно так же показывает обеим сторонам, что *все* хлопочут и считают себя званными, и вместо *чистого* действия или *единичного* специфического действия, напротив, открылось нечто, что в такой же мере есть *для других*, или открылась *сама суть дела*. В обоих случаях получается одно и то же и имеет лишь иной смысл в отличие от случая, который при этом имелся в виду и должен был иметь значение. Сознание узнает на опыте, что обе стороны – одинаково существенные моменты, и тем самым узнает *природу самого дела*, а именно, что она не есть только дело, которое противопоставлялось бы действию вообще и единичному действию, и не есть действие, которое противопоставлялось бы устойчивому существованию и было бы *родом*, свободным от этих моментов как своих видов, а она есть *сущность, бытие* которой есть *действие единичного* индивида и всех индивидов и действие которой непосредственно есть *для других* или есть *суть дела*, и лишь суть дела оказывается *действием всех и каждого*; сущность, которая есть сущность всякой сущности, есть *духовная сущность*. Сознание на опыте узнает, что ни один из указанных моментов не есть *субъект*, а напротив, растворяется в самой *всеобщей сути дела*; моменты индивидуальности, которые для безмыслия этого сознания поочередно рассматривались как субъект, объединяются в простую индивидуальность, которая, будучи “этой” [*индивидуальностью*], столь же непосредственно всеобща. Сама суть дела вследствие этого теряет положение предиката и определенность безжизненной абстрактной всеобщности, она, напротив, есть проникнутая индивидуальность субстанция – субъект, в котором индивидуальность есть в такой же мере в качестве себя самой или “этой” [*индивидуальности*], как и в качестве *всех* индивидов, и всеобщее, которое только в качестве “этого” действия *всех и каждого* есть *бытие*, действительность, состоящая в том, что “это” сознание знает ее как свою единичную действительность и как действительность всех. Сама *чистая суть дела* есть то, что выше определялось как *категория*: бытие есть “я”, или “я” есть бытие, но как *мышление*, которое еще отличается от *действительного самосознания*; здесь же моменты действительного

самосознания, поскольку мы называем их его содержанием – целью, действием и действительностью, – а также поскольку мы называем их его формой, суть для-себя-бытие и бытие для другого, – эти моменты выявлены как одно с самой простой категорией, и благодаря этому категория есть в то же время все содержание.

в. Разум, предписывающий законы

Духовная сущность в своем простом бытии есть *чистое сознание* и “это” самосознание. Первоначально-определенная натура индивида потеряла свое положительное значение быть *в себе* стихией и целью его деятельности; она есть лишь снятый момент, а индивид есть некоторая *самость* как всеобщая самость. *Сама формальная вещь*, напротив того, имеет свое наполнение в действующей, себя внутри себя различающей индивидуальности, ибо различия этой последней составляют *содержание* указанной выше всеобщности. Категория есть *в себе* как “всеобщее” *чистого сознания*; она есть точно так же *для себя*, ибо *самость* сознания точно так же есть ее момент. Она есть абсолютное *бытие*, ибо названная всеобщность есть простое *равенство бытия себе самому*.

Таким образом, то, что есть для сознания предмет, имеет значение *истинного*; оно есть и имеет значение в том смысле, что оно есть и имеет значение в себе самом и для себя самого; оно есть *абсолютное дело*, которое не страдает более от противоположности достоверности и ее истины, всеобщего и единичного, цели и ее реальности, а наличное бытие которого есть *действительность* и *действие* самосознания; это дело есть поэтому *нравственная субстанция*, а сознание его – *нравственное* сознание. Его предмет имеет для него точно также значение *истины*, ибо оно объединяет в одном единстве самосознание и бытие; оно имеет значение *абсолютного*, ибо самосознание не может и не хочет больше выходить за пределы этого предмета, потому что тут оно – у себя самого: оно не *может*, ибо этот предмет есть все бытие и сила; оно не *хочет*, ибо он есть самость или воля этой самости. Этот предмет сам по себе есть реальный предмет как предмет, ибо ему присуще различие сознания; он делится на массы, которые суть *определенные законы* абсолютной сущности. Но эти массы не затемняют понятия, ибо в нем по-прежнему заключены моменты бытия и чистого сознания и самости, – единство, которое составляет сущность этих масс и в этом различии не допускает более расхождения этих моментов.

Эти законы или массы нравственной субстанции признаны непосредственно; нельзя спрашивать об их происхождении и основании и искать некоторого “иного”, ибо иное, нежели сущая *в себе* и *для себя* сущность, было бы только само самосознание; но самосознание есть не что иное, как эта сущность, ибо оно само есть для-себя-бытие этой сущности, которая именно потому есть истина, что она в такой же мере есть *самость* сознания, как и его “*в себе*” или чистое сознание.

Так как самосознание знает себя как момент *для-себя-бытия* этой субстанции, то оно, следовательно, выражает наличное бытие в нем закона так, что *здравый разум* непосредственно знает, что *правильно и хорошо*. Насколько непосредственно он *знает* это, столь же непосредственно он это и оценивает и непосредственно высказывает: это – правильно и хорошо. И притом именно “это”; существуют *определенные* законы, наполненная содержанием сама суть дела.

То, что столь непосредственно дается, столь же непосредственно должно приниматься и рассматриваться: как мы рассматривали, то, что чувственная достоверность непосредственно провозглашает как сущее, так, посмотрим, каково бытие, провозглашаемое этой нравственной непосредственной достоверностью, или каковы непосредственно сущие массы нравственной сущности. Примеры некоторых таких законов покажут это, и так как мы берем их в форме изречений *знающего*, здравого разума, то нам не нужно лишь привносить момента, который доказывал бы их значимость, раз они рассматриваются как *непосредственные* нравственные законы.

“*Всякий должен говорить правду*”. – При провозглашении этой обязанности как безусловной тотчас же добавляется условие: *если он знает правду*¹²⁹. Заповедь поэтому будет теперь гласить: *всякий должен говорить правду, всякий раз согласно своему знанию ее и убежденности в ней*. Здравый разум, т.е. именно то нравственное сознание, которое непосредственно знает, что правильно и хорошо, разъяснит также, что это условие уже настолько было связано с его общим изречением, что он именно так *разумел* эту названную заповедь. Но на деле он этим признает, что, провозглашая ее, он тут же и нарушил; он *говорил*: *всякий должен говорить правду; имел же он в виду*, что всякий должен говорить правду согласно своему знанию ее и убежденности в ней; т.е. он *говорил не то, что имел в виду*; а говорить не то, что имеют в виду, значит не говорить правды. Вместе с поправкой эта неправда или неудачная формула теперь будет гласить: *всякий должен говорить правду согласно своему имеющемуся всякий раз знанию ее или убежденности в ней*. – Но тем самым *всеобщее-необходимое, в себе значимое*, что хотело выразить это положение, обратилось, напротив, в совершенную случайность. Ибо то обстоятельство, что говорится правда, предоставлено случаю: знаю ли я правду и могу ли я убедиться в ней; а этим сказано только то, что истинное и ложное будет высказываться без разбора, как кому придется их знать, иметь в виду и понимать. Эта *случайность содержания* обладает *всеобщностью* только в *форме предложения*, в которой она выражена; но в качестве нравственного положения оно обещает некоторое всеобщее и необходимое *содержание*, а из-за случайности содержания оно противоречит себе самому. – Если, наконец, это положение исправить так, что случайность знания правды и убежденности в ней должны отпасть и правда *должна* также стать достоянием *знания*, то получится заповедь, прямо противоречащая той, которая послужила исходным положением. Предполагалось, что здравый разум

прежде всего *непосредственно* обладает способностью выражать правду, а теперь говорится, что он *должен знать* ее, т.е. не знает, как ее выразить *непосредственно*. – Если рассматривать со стороны *содержания*, то окажется, что последнее упущено в требовании: правду должно *знать*; ибо это требование относится к *знанию вообще*: должно *знать*; требуется, следовательно, скорее то, что свободно от всякого определенного содержания. Но здесь речь шла о некотором *определенном* содержании, о *некотором различии* в нравственной субстанции. Однако это *непосредственное* определение ее есть такое содержание, которое оказалось, скорее, совершенной случайностью и которое, будучи возведено во всеобщность и необходимость так, чтобы знание получило выражение закона, – напротив, исчезает.

Другая знаменитая заповедь гласит: *возлюби ближнего твоего как себя самого*¹³⁰. Она обращена к единичному в его отношении к единичному и *утверждает это отношение как отношение одного единичного к другому* или как отношение чувства. Деятельная любовь, – ибо недейтельная любовь лишена бытия и потому, конечно, не имеется в виду, – стремится к тому, что бы отвратить от человека зло и принести ему добро. Для этого необходимо уметь различать, что для него зло, что есть целесообразное добро в противоположность этому злу и что вообще есть благо; это значит, я должен любить его, обращаясь к *рассудку*; безрассудная любовь повредит ему, может быть, больше, чем ненависть. Но руководимое рассудком существенное благодеяние в своем богатейшем и важнейшем виде – это руководимые рассудком общие действия государства, действия, по сравнению с которыми действие единичного как такового становится чем-то вообще столь ничтожным, что о нем едва ли стоит и говорить. Действия государства при этом обладают столь огромной силой, что если бы единичное действие вздумало противопоставить себя им и либо стать преступным, действуя прямо в своих интересах, либо из любви к другому обманым путем лишить всеобщее того права и той доли, которые оно в нем имеет, то оно вообще оказалось бы тщетным и было бы неодолимо сокрушено. Для благодеяния, которое есть чувство, остается только значение совершенно единичного действия, некоторой помощи в случае нужды, которая столь же случайна, как и кратковременна. Случаем определяется не только повод к благодеянию, но и то, есть ли оно вообще *деяние* (ein Werk), не растворится ли оно тотчас же вновь и не обратится ли оно само скорее в зло. Таким образом, эта деятельность на благо других, провозглашенная *необходимой*, такова, что она может, пожалуй, существовать, а может и не существовать; если вдруг представится случай, она может быть и есть некоторое деяние, может быть и есть благо, а может быть и нет. Этот закон, стало быть, столь же мало обладает всеобщим содержанием, как и первый, нами рассмотренный, и он не выражает – как надлежало бы абсолютному нравственному закону – чего-то такого, что есть *в себе и для себя*. Или: подобного рода законы застревают только на *долженствовании*, но не обладают *действительностью*; они – не *законы*, а только *заповеди*.

Но фактически из природы самого дела явствует, что необходимо отказаться от всеобщего абсолютного *содержания*; ибо никакая определенность, устанавливающаяся в простой субстанции (а ее сущность в том и состоит, что она – простая), *не соответствует* ей. Заповедь в своей простой абсолютности сама провозглашает *непосредственное нравственное бытие*; различие, которое проявляется в ней, есть некоторая определенность и, стало быть, некоторое содержание, *подчиненное* абсолютной всеобщности этого простого бытия. Так как, следовательно, необходимо отказаться от абсолютного содержания, то заповеди может принадлежать лишь *формальная всеобщность* или отсутствие противоречия с собой¹³¹, ибо бессодержательная всеобщность есть формальная всеобщность, а абсолютное содержание само значит только то, что оно есть различие, которое не есть различие, или бессодержательность.

То, что остается на долю предписыванию законов, есть, следовательно, *чистая форма всеобщности* или фактически *тавтология* сознания, которая противостоит содержанию, и есть *знание* не о *сущем* или подлинном *содержании*, а о *сущности* или о его равенстве себе самому.

Нравственная сущность поэтому сама не есть непосредственно содержание, а лишь критерий, определяющий, способно ли некоторое содержание быть законом или нет, когда оно не противоречит себе самому. Предписывающий законы разум низведен до разума только *проверяющего*.

с. Разум, проверяющий законы

Различие, присущее простой нравственной субстанции, есть для нее случайность, которая, как мы видели, в определенных заповедях обнаруживается как случайность знания, действительности и действия. *Сравнение* указанного простого бытия и не соответствующей ему определенности было произведено нами; оказалось, что простая субстанция тут есть формальная всеобщность или чистое *сознание*, которое, будучи свободно от содержания, противостоит ему и есть *знание* о нем как об определенном содержании. Эта всеобщность остается, таким образом, тем же, чем была *сама суть дела*. Но в сознании эта всеобщность есть нечто иное, а именно, она более не есть бессмысленный инертный род, а отнесена к особенному и считается его силой и истиной. – Это сознание, по-видимому, есть прежде всего та же проверка, которую мы брали до сих пор на себя, и его действие может быть только тем, что уже совершено, т.е. сравнением всеобщего с определенным, откуда, как и прежде, получилась бы их несоразмерность. Но отношение содержания ко всеобщему здесь иное, так как это последнее получило иное значение; оно есть *формальная* всеобщность, к коей пригодно определенное содержание, ибо в ней рассматривается только в соотношении с самим собою. В процессе нашей проверки всеобщая чистая (*gediegene*) субстанция противостояла определенности, развивавшейся как случай-

ность сознания, в которое вступала субстанция. Здесь один член сравнения исчез; всеобщее уже не есть *суцая* и *имеющая* значимость субстанция или справедливое в себе и для себя, а есть простое знание или форма, которая сравнивает содержание только с самим собою и рассматривает его, есть ли оно тавтология. Законы более не даются, а *проверяются*; и для проверяющего сознания законы *уже* даны; оно воспринимает их *содержание* просто как оно есть, не вдаваясь, как мы делали, в рассмотрение пристающих к его действительности единичности и случайности, а, придерживаясь заповеди как заповеди, поступает по отношению к ней столь же просто, как просто оно есть ее критерий.

Но по этой причине такая проверка достигает немногого: как раз потому, что критерий есть тавтология и он равнодушен к содержанию, он воспринимает в себя в такой же мере данное содержание, как и противоположное. – Вопрос в том, можно ли считать законом в себе и для себя то, что *собственность* существует: *в себе и для себя*, а не потому, что это полезно для других целей; нравственная существенность состоит именно в том, что закон равен только себе самому и, будучи, следовательно, благодаря этому равенству себе обоснован в своей собственной сущности, не есть обусловленный закон. Собственность в себе и для себя не противоречит себе; она есть некоторая *изолированная* или только в равенстве себе самой установленная определенность. Несобственность, бесхозяйность или общность имуществ столь же мало противоречит себе. То обстоятельство, что нечто не принадлежит никому: либо принадлежит первому встречному, завладевшему им, либо всем вместе и каждому по его потребностям или в равной доле, есть *простая определенность, формальная мысль*, как и противоположное этому – собственность. – Конечно, если бесхозяйная вещь рассматривается как *предмет, необходимый* для удовлетворения *потребности*, то необходимо, чтобы им завладело какое-нибудь отдельное лицо; и было бы скорее противоречием возвести в закон свободу вещи. Но под бесхозяйностью вещи и не подразумевается абсолютная бесхозяйность, а она должна *поступить во владение* согласно *потребности* отдельного лица, и притом не для сохранения, а для непосредственного употребления. Но так лишь совершенно случайным образом заботиться об удовлетворении потребности противоречит природе сознательного существа, о котором единственно идет речь; ибо оно должно представлять себе свою потребность, в форме *всеобщности*, заботиться о своем существовании в целом и приобретать себе постоянное имущество. Таким образом, мысль, что вещь случайно достается первому же обладающему самосознанием существу согласно его потребности, не согласуется сама с собою. – При общности имуществ, где забота об этом была бы общей и постоянной, на долю каждого приходилось бы столько, *сколько ему нужно*; тогда вступают в противоречие друг с другом это неравенство и сущность сознания, для которого *равенство* отдельных лиц есть принцип. Или же, согласно этому принципу, распределение будет *равным*,

тогда доля не будет находиться в соотношении с потребностью, а ведь одно лишь это соотношение составляет понятие этой доли¹³².

Но если таким образом несобственность является противоречивой, то происходит это только потому, что она не была оставлена как *простая* определенность. С собственностью дело обстоит так же, если ее разложить на моменты. Единичная вещь, составляющая мою собственность, тем самым приобретает значение чего-то *всеобщего, закрепленного, постоянного*; но это противоречит ее природе, которая состоит в том, чтобы быть употребленной и *исчезнуть*. В то же время она считается *моей*, что признают все другие и исключают себя из участия в ней. Но в том, что я признан, содержится, скорее, мое равенство всем – противоположность исключения. – То, чем я обладаю, есть некоторая *вещь*, т.е. некоторое бытие для других вообще, для одного лишь меня оно совершенно общо и неопределенно; то, что *я* ею обладаю, противоречит ее всеобщей вещности. Собственность, таким образом противоречит себе во всех отношениях точно так же, как и несобственность; каждой из них присущи эти оба противоположные, друг другу противоречащие моменты единичности и всеобщности. – Но каждая из этих определенностей, будучи *просто* представлена как собственность или несобственность, если не вдаваться в дальнейшее развитие, столь же *проста*, как и другая, т.е. не противоречит себе. – Мерило закона, присущее самому разуму, подходит поэтому одинаково хорошо ко всему, и тем самым оно фактически не есть мерило. И было бы даже странно, если бы тавтология, закон противоречия, признаваемый для познания теоретической истины лишь в качестве формального критерия¹³³, т.е. в качестве чего-то, что совершенно равнодушно к истине и неистине, *значили больше* для познания практической истины.

В обоих только что рассмотренных моментах наполнения ранее пустой духовной сущности установление в нравственной субстанции непосредственных определенностей, а затем знание того, действительно ли они суть законы, – были сняты. В результате тем самым кажется, будто ни определенные законы, ни знание их не могут иметь места. Но субстанция есть *сознание* себя как абсолютной *существенности*, которое тем самым не может отказаться ни от присущего ей *различия*, ни от *знания* об этом различии. Значение того обстоятельства, что предписывание и проверка законов оказались бесплодными, состоит в том, что и то и другое, взятые по отдельности и изолированно, суть лишь неустойчивые *моменты* нравственного сознания; и движение, в котором они выступают, имеет тот формальный смысл, что нравственная субстанция проявляется благодаря этому как сознание.

Поскольку оба эти момента суть более точные определения сознания *самой сути дела*, их можно рассматривать как формы *честности*, которая, как прежде со своими формальными моментами, так теперь возится с должствующим быть содержанием доброго и правого и с проверкой такой незыблемой истины и воображает, будто обретает силу и значимость заповедей в здравом разуме и рассудочном здравомыслии.

Но без этой честности законы не действительны как *сущность сознания*, а проверка – как действие *внутри* сознания; эти моменты в том виде, в каком каждый из них для себя *непосредственно* выступает как некая *действительность*, выражают: один – лишенное значимости установление и бытие действительных законов, а другой – такое же лишенное значимости освобождение от них. Закон как определенный закон имеет случайное содержание; здесь это имеет то значение, что он – закон единичного сознания, имеющий произвольное содержание. Упомянутое непосредственное предписывание законов есть, следовательно, тираническое своеволие, которое возводит в закон произвол, а нравственность – в повиновение произволу, т.е. законам, которые суть *только* законы, но не *заповеди* в то же время. Подобно этому и второй момент, поскольку он изолирован, – проверка законов, – означает приведение в движение неподвижного и своеволие знания, своеволие, которое, предаваясь рассуждению, свободно от абсолютных законов и считает их чуждым себе произволом.

В обеих формах эти моменты составляют негативное отношение к субстанции или к реальной духовной сущности, т.е. в них субстанция еще не имеет своей реальности, а сознание содержит эту субстанцию еще в форме своей собственной непосредственности, и она есть еще лишь *воля и знание “этого”* индивида, или *долженствование* некоторой недействительной заповеди и знание формальной всеобщности. Но так как эти модусы сняли друг друга, то сознание ушло обратно во всеобщее, и указанные противоположности исчезли. Духовная сущность есть действительная субстанция в силу того, что эти модусы имеют значимость не по отдельности, а только как снятые, и единство, в котором они суть только моменты, есть самость сознания, которая, будучи отныне установлена в духовной сущности, возводит последнюю в то, что действительно наполнено и обладает самосознанием.

Духовная сущность, таким образом, есть для самосознания прежде всего в качестве в себе сущего закона; всеобщность проверки, которая была формальной, не *в себе* сущей всеобщностью, снята. Точно так же это есть некоторый вечный закон, имеющий свое основание не в *воле “этого” индивида*, а есть в себе и для себя, абсолютная *чистая воля всех*, имеющая форму непосредственного *бытия*. Эта воля не есть так же заповедь, только *долженствующая быть*, а она *есть и имеет значимость*; это есть всеобщее “я” категории, которое непосредственно есть действительность, и мир есть только эта действительность. Но так как этот *сущий закон* безусловно имеет силу, то повиновение самосознания не есть служение некоторому господину, приказание которого были бы произволом и в котором самосознание не узнавало бы себя. Наоборот, законы суть мысли его собственного абсолютного сознания, которые оно само непосредственно *имеет*. Оно и не *верит* в них, ибо вера, конечно, так же созерцает сущность, но сущность чужую. Нравственное самосознание в силу *всеобщности* своей *самости непосредственно* составляет “одно” с сущностью; вера, напротив, начинает с *еди-*

ничного сознания, она есть движение его, состоящее в том, что оно все время стремится приблизиться к этому единству, но не достигает наличествования своей сущности. – Указанное сознание, напротив, сняло себя как единичное сознание, это опосредствование осуществлено, и только благодаря тому, что оно осуществлено, это сознание есть непосредственное самосознание нравственной субстанции.

Таким образом, отличие самосознания от сущности совершенно ясно. Благодаря этому *различия* в самой *сущности* – не случайные определенности, а ввиду единства сущности и самосознания, от которого лишь и могло бы произойти неравенство, они суть массы расчленения этого единства, проникнутые его жизнью, себе самим ясное, неразрывные духи, беспорочные небесные образы, которые сохраняют в своих различиях неоскверненную невинность и единокровие со своей сущностью. – Самосознание есть столь же простое ясное отношение к ним. Они *суть*, и больше ничего, – это составляет сознание его отношения. Так, Антигона Софокла рассматривает их как *неписаное* и *бесспорное* право богов, –

Ведь не отныне и не со вчера живут,
Когда ж явились, никому не ведомо¹³⁴.

Они суть. Когда я спрашиваю об их возникновении и суживаю их до точки их происхождения, я вышел за их пределы; ибо тогда я – всеобщее, а они – обусловленное и ограниченное. Если они, по моему разумению, должны оправдать себя, то я уже привел в движение их неколебимое в-себе-бытие и рассматриваю их как нечто, что для меня, быть может, истинно, а может быть и не истинно. Нравственный образ мыслей в том именно и состоит, чтобы непоколебимо и твердо стоять на том, что правильно, и воздерживаться от всякого колебания, расшатывания и умаления его. – Нечто отдано мне на хранение, оно *есть* собственность другого, и я признаю это, *потому что это так и есть*, и остаюсь непоколебимым в этом отношении. Если я удерживаю у себя то, что мне дано на хранение, то, согласно принципу моей проверки – принципу тавтологии, – я отнюдь не впадаю в противоречие; ибо тогда я больше не считаю его собственностью другого; удерживать у себя что-нибудь, что я не считаю собственностью другого, вполне последовательно. Изменение *взгляда* не есть противоречие, ибо дело не во взгляде как таковом, а в предмете и содержании, которое не должно противоречить себе. Как я могу изменить взгляд (что я и делаю, когда что-нибудь дарю), согласно которому нечто есть моя собственность, и считать, что оно есть собственность другого, не будучи при этом повинен в противоречии, точно так же я могу пойти и обратным путем¹³⁵. Следовательно, нечто есть право не потому, что я нахожу его свободным от противоречия, а именно потому, что оно – правое, оно есть право. В *основе* лежит то, что нечто есть собственность другого; об этом мне нечего пускаться в рассуждения, или расследовать всевозможные мысли, связи, точки зрения или задумывать что-нибудь; нечего также размыш-

лять о предписывании законов и их проверке; такого рода движениями своей мысли я расстроил бы указанное отношение, так как фактически я с таким же успехом мог бы как угодно и противоположное сообразовать со своим неопределенным тавтологическим знанием и, следовательно, возвести его в закон. А правильно ли это определение или противоположное – это определено *в себе и для себя*; я с своей стороны мог бы любое определение возвести в закон, точно так же как и никакое не возводить, и раз я начал проверять, я уже на пути безнравственности. Я нахожусь в нравственной субстанции благодаря тому, что правильное для меня есть *в себе и для себя*, и таким образом эта субстанция есть *сущность* самосознания; а это последнее есть ее *действительность* и *наличное бытие, ее самость и воля*.